

Ультрамарин.

«Синий ультрамарин – краска благородная, прекрасная и совершеннее всех остальных, ничего нельзя сказать против нее, она вызывает одну похвалу». Ченнино Ченнини

Глава I. Ценный подарок.

Неяркое северное солнце в этот майский день радовало жителей Падоко – небольшого городка, угнездившегося на скальных берегах Большого моря. Серые каменные дома с черными крышами теснились на узких кривых улочках–лабиринтах, булыжные мостовые змеями тянулись вниз, к берегу моря.

На центральной площади на пару мгновений остановился паренек лет шестнадцати. Свежий морской бриз взъерошил его льняные волнистые волосы, забрался под расстегнутый ворот рубашки, надул, словно паруса, широкие штаны. Взгляд светло–серых глаз юноши устремился вдаль, туда, где в просвете домов была видна часть гавани. Море искрилось в лучах полуденного солнца. У деревянных пирсов, выстроенных в ряд и похожих на гребенку с неровными зубьями, чалились большие и малые суда.

В широкой бухте, глубоко вдававшейся в сушу, располагался большой порт, где кипела основная жизнь города – отсюда уходили рыбаки в море, чтобы вернуться с добычей, приезжали купцы со своими товарами, дабы продать их или выменять на кости и шкуры морских животных, рыбу, жир.

Даже издали было видно, насколько оживленной была эта часть города: по мосткам то и дело сновал разный рабочий люд, грузчики, рыбаки, торговцы; в поисках наживы над их головами летали чайки и альбатросы, а между ногами путались бездомные собаки и кошки.

Люс отвернулся: он не любил шумный порт и старался обходить его стороной.

Десять лет назад шестилетний мальчик, крепко держа за руку маму, махал отплывавшему кораблю под названием «Попутный ветер». На нем отправлялся в очередное плавание отец Люса – Алаин Тигальд, бесстрашный капитан, настоящий морской волк. Домой он должен был вернуться месяца через три. Его шхуна, нанятая каким–то богатым купцом, шла с товарами в южный город Хегаальдеко. Но, как узнали позднее, до места корабль так и не добрался.

Друзья Алаина, такие же храбрые моряки, несколько месяцев искали пропавший «Попутный ветер» (или хотя бы его останки), бороздили Большое море, заплывали в самые отдаленные уголки, расспрашивали торговцев и рыбаков, но спустя год, прекратив бесплодные поиски, решили проститься с Алаином и членами команды навсегда.

Холодным зимним днем в порту, на том причале, откуда ушел «Попутный ветер», собрались верные товарищи, знакомые и семьи погибших.

Люс плохо помнил, кто и что тогда говорил. Но он помнил, как его мать Элида прижимала к себе сына и дрожала, то ли от мокрого ветра, то ли от рыданий. Он помнил, как на воду спускали деревянные лодочки с зажженными свечами. Помнил, как лодочки, покачиваясь, уплывали вдаль. Помнил, как одна свечка, захлебнувшись волной, потухла и опрокинулась. Люс хотел сказать об этом матери, но, подняв на нее глаза, увидел, что и она сама стала похожа на погасшую свечу, поникла головой, ссутулилась, лицо посерело, а взгляд будто застыл, остекленел, и испугался за нее.

Когда они вернулись домой, мать долго сидела за столом, сжав голову руками. Люс подошел к ней и произнес: «Мама, я найду папу. Когда–нибудь обязательно найду». Элида

зажала рот ладонью, чтобы вновь не разрыдаться, потом крепко обняла сына и горько прошептала: «Боюсь, это невозможно, мой мальчик».

Тогда он действительно верил, что сможет найти отца. Но неумолимое время шло, а вместе с ним гасли в душе мальчика огоньки надежды. Вскоре от них остались лишь тлеющие угольки. Повзрослев, Люс понял: то были пустые, наивные, детские мечты, за которыми бессмысленно гнаться. И сосредоточил свое внимание на неистребимой страсти – живописи.

Склонность к рисованию заметил в мальчике еще Алаин. Отец видел, как сын старательно выводит какие-то каракули то палочкой на песке, то угольком на стене, и однажды подарил ему акварельные краски, кисти и бумагу, которые привез из дальнего плавания. Так искусство крепко вошло в жизнь Люса и завладело им. Все свободное время мальчик посвящал любимому занятию. Иногда даже прогуливал уроки, где-нибудь коротая время с блокнотом и карандашом.

Но чаще его можно было увидеть на Диких Берегах, что в западной части города. Здесь к скалам лепились редкие домишки, росли низенькие кустарники, некоторые дорожки и тропинки становились лестницами, выдолбленными прямо в камне. Самой крайней точкой Диких Берегов была отвесная скала, врезавшаяся в море, словно корабль, несущийся на всех парусах.

Люс любил это место и часто бывал тут. Здесь он ставил этюдник, доставал бумагу, краски, и из-под кисти молодого человека рождалось море – еще одна его страсть. Несмотря на то, что – юноша знал и понимал это – морская пучина отняла у него отца, Люс, с одной стороны, боготворил море, видел в нем почти что живое существо, дикое, мыслящее, подчас спокойное, добродушное, покорное, но чаще неукротимое, страшное, беспощадное, способное проглотить целый корабль. Он писал марины, но, с другой стороны, боялся самого моря и мечтал когда-нибудь уехать в глубь материка, чтобы больше не слышать, как волны с вечной, неизбывной тоской бьются о скалы, не чувствовать соленое дыхание морских ветров, не видеть приходящих и уходящих кораблей.

Солнечные дни были редки в Падоко, и сегодня Люс, решив воспользоваться теплой погодой, улизнул с уроков и побежал за этюдником и красками.

Дом семьи Тигальд ничем не отличался от десятков прочих в этом городе: двухэтажное строение с невзрачными серыми каменными стенами да темной крышей, выделяющейся на фоне светло-голубого неба. Только перед входом красовалась яркая вывеска: «Швейная мастерская г-жи Тигальд». После того как стало ясно, что Алаин не вернется, матери Люса пришлось искать способы зарабатывать на жизнь. Элида прекрасно умела шить, и потому выбор был очевиден. Первое время женщина работала одна, часто даже по ночам, так как приходилось брать много заказов – доход тогда у нее был небольшой. Через год-два г-жа Тигальд взяла сначала одну помощницу, потом швей стало две. Первый этаж дома вскоре переоборудовали: холл с гостиной объединили, снеся стены, разместили швейные машинки, расставили столы для раскройки. Теперь у Элиды был целый штат работниц, состоящий из шести человек, однако женщина продолжала трудиться наравне со всеми, может быть, только отдыхая чуть больше, чем раньше.

Люс, по понятным причинам, не хотел показываться матери на глаза в это время дня, поэтому, перемахнув через забор, прошмыгнул во внутренний дворик и через черный вход взлетел по лестнице на второй этаж. В своей комнате юноша, наконец, смог отдышаться.

Люс мигом собрал необходимые принадлежности в этюдник, сложил его и, повесив на плечо, тем же самым путем выскочил на улицу. Он поднял глаза и, шурясь от солнца, с удовлетворением отметил, что небо до сих пор оставалось практически чистым: редкие облачка, словно заблудшие овечки, проплывали мимо и, не задерживаясь, бежали дальше. Поправив ляжку сумки, молодой человек бодрым шагом направился к Диким Берегам.

Путь предстоял в гору, через район Соленых Скал, и чем выше поднималась дорога, тем уже и извилистее становились улочки, появлялись ступени, словно из ниоткуда, дома жались друг к другу, будто мерзнущие воробьи на карнизе. Однако тесные улицы в этом районе всегда были полны людей, так как Соленые Скалы населял простой народ: рыбаки, моряки, ремесленники. То тут, то там лавочники громко зазывали многочисленных прохожих, предлагая разнообразные товары; в подворотнях лаяли собаки; где-то истерично ругались соседи; и даже днем из питейных доносились грубая брань и пьяные песни. Люс шел быстро, придерживая этюдник, зная по горькому опыту, что свободно болтающаяся сумка привлекает внимание мелких воришек, которых в этой части Падоко тоже было предостаточно.

Дикие Берега от остальной части города отделяла глубокая теснина Акулья Пасть, по дну которой бурно струились воды реки Хьярты. Само ущелье получило такое название не случайно. Оно действительно напоминало раскрытые челюсти – обе его стороны были усеяны белыми остроконечными соляными наростами.

Люс преодолел последнюю ступеньку, оставив Соленые Скалы позади, и вышел к мосту, ведущему к Диким берегам. Словно бы и не было гомона и суеты городских улиц. Справа шумел водопад, слева, вдаль, плескалось мирное море, внизу рычала Хьярта. Впереди через расщелину перекинулся каменный арочный мост, соединяющий Дикие Берега с Солеными Скалами еще с незапамятных времен. О древности его говорили полуразрушенные статуи, которые украшали парапеты моста, да местами обвалившийся камень под сводами. В трещинах и между булыжниками буйно росла трава и пробивались чахлые деревца.

Люс пошел медленнее и свободнее, держа руки в карманах, насвистывая веселую песенку. На мосту не было ни души. Впрочем, ничего удивительного – Дикие Берега был самым малонаселенным районом города, поэтому и днем встретить человека здесь случалось редко.

Вдруг на противоположной стороне ущелья показалась громающая тележка, чем-то доверху груженная и плотно закрытая парусиной. Человека, везущего поклажу, не было заметно, однако видно было, что повозка катится с трудом и ее упрямо клонит в сторону. Въехав на мост, телега возмущенно заскрипела и загрохотала еще громче, стуча колесами по неровным каменным плитам. Внезапно повозка, споткнувшись о выступающий булыжник, резко подпрыгнула, а разболтавшееся переднее колесо тут же сорвалось с оси и отлетело в сторону. Возок устало накренился и осел набок.

Люс бросился на помощь: схватил колесо, катившееся по мосту, и подбежал к тележке. Каково же было удивление юноши, когда он увидел её хозяина! Перед ним стоял невысокий старец с длинной, посеревшей от грязи, бородой, в которой запутались мелкие веточки и листики. Он был одет в непонятную серую хламиду, висевшую на его костлявом теле бесформенным мешком. Спутанные седые волосы до плеч распущены, а спереди заплетены в тонкие косички и убраны назад. На запястьях — несколько браслетов, собранных из камушков, ракушек, монеток, желудей. Красноватое лицо старика было изборождено морщинами. Кустистые брови почти закрывали тусклые свинцово-синие глаза, в глубине которых светилась мудрость, накопленная годами. Тонкие сухие губы были растянуты в добродушной, ласковой улыбке, озарявшей своим светом лицо старика.

– Я поймал часть вашей телеги. – Юноша протянул колесо, которое держал в руках.

– О! Как славно! – Улыбка старца стала еще шире и обнажила желтые неровные зубы. – Коли не торопитесь вы, мил человек, в помощи не откажите страннику одинокому. Колесо вернуть на место стоило бы.

Люс вскинул правую бровь, услышав такие витиеватые речи, но произнес:

– Я не тороплюсь. Конечно, давайте я вам помогу.

– Вот и славно! Вот и славно! – радостно пробормотал хозяин повозки.

Юноша бережно положил этюдник на землю и подошел к охромевшей телеге.

– Ее нужно немного приподнять, тогда получится поставить колесо на место, – сказал он скорее самому себе, взглянув на сухонького старичка, который в ответ лишь кивнул, сцепил пальцы у груди и продолжал улыбаться.

Люс пожал плечами и поискал глазами добротный булыжник. На мосту покоились и превращались в тлен останки статуй, многие из которых уже стали куском мертвого камня. Люс выбрал увесистый кирпич, лежавший неподалеку, и, поднатужившись, подтащил его к тележке. Затем, приподняв повозку за один край («Что у него там, сокровища что ли?! Тяжесть–то какая!» – промелькнуло у него в голове), юноша попытался одной ногой пододвинуть камень под телегу. Булыжник мгновение сопротивлялся, потом уступил и спустя несколько минут упорного толкания оказался под тележкой. Тяжело выдохнув, Люс плавно отпустил ее и тотчас почувствовал дрожь в руках. Раскрасневшийся и взмокший, он покосился на старика. Тот неотрывно смотрел на молодого человека, и выражение лица его – безмятежно–добродушное, но при этом как будто бы изучающее – не менялось.

Положение тележки выровнялось, и теперь юноша смог приладить колесо на место. Хорошенько вбив клинышек (который, по счастью, обнаружился недалеко) в отверстие оси, Люс, наконец, отряхнул руки и устало оперся о парапет моста.

– Надеюсь, ваша телега не развалится вновь после моей помощи, – с улыбкой обратился он к старику.

– О нет! Уверен я, что ныне путь мой завершится благополучно, – медленно, растягивая слова, словно пробуя каждое на вкус, ответил старец. – А труды твои требуют всенепременного вознаграждения, – сказал он и, приподняв парусину, которая укрывала вещи в телеге, принялся что-то искать.

Вскоре старик выудил оттуда небольшой футляр, обтянутый кожей, и со словами благодарности вручил его юноше. Люс попытался было сопротивляться, но хозяин повозки решительным жестом оборвал его:

– Нынче редко я встречаю людей, в тот же час готовых помочь и не требующих ничего взамен. Я вижу, ты добрый человек, а потому заслуживаешь сей скромный дар.

Люс все еще с сомнением смотрел на протянутую коробочку, но затем взял и, щелкнув застежкой, открыл ее. И тут же ахнул от удивления. Внутри футляра хранилось шесть стеклянных баночек, на каждой из которых было только одно название: «Ультрамарин».

Несколько секунд юноша горящими глазами смотрел на бесценный подарок, потом, словно опомнившись, тряхнул головой, закрыл коробку и вернул ее старику.

– Извините, – вдруг охрипшим голосом сказал Люс. – Я не могу принять такой совсем не скромный дар. Эта краска необычайно дорогая и редкая. Если вам на пути попадется какой-нибудь богатый художник, он заплатит за нее огромные деньги.

– В моей повозке немало иных сокровищ. – Юноше показалось, будто старец голосом выделил последнее слово. – И злата звон меня не манит. А слова твои внушают почтение большое к тебе, и думаю я, что не зря выбрал подарок именно этот.

В душе Люса сейчас происходила неистовая борьба: скромность, конечно, не позволяла взять краски, но как художник он понимал, что ультрамарином ему, быть может, не придется владеть никогда. Краску эту получали из полудрагоценного камня ляпис–лазурь, который добывали в далекой южной стране Зафират. По стоимости ультрамарин приравнялся к золоту.

Люс стоял так минуту, немигающим взглядом смотря на заветную коробочку, а в голове вихрем проносились извечные вопросы, в основе которых лежит всегда сомневающаяся «или».

Но старик молчаливо прервал его размышления: он взял руку юноши и положил ему на ладонь футляр, затем прошелестел:

– Это дар. Прими его без мыслей смутных.

Не успел Люс опомниться, как старец уже взялся за телегу и тихонько покатыл ее. Молодой человек подбежал к нему и с жаром произнес:

– Огромное вам спасибо! Вы не представляете, насколько для меня это ценный подарок!

– О нет! Я знаю, сколь важен для тебя сей цвет заморский, – растянув губы в благодушной улыбке, промолвил хозяин повозки и наставительно прибавил: – Но дорожи им, как мать бережет чадо свое. Сослужит он службу великую.

Люс весело закивал, прижав коробочку к груди и все еще дивясь странному наречию старца. Он смотрел, как тот неторопливо везет тележку, которая нынче покорно катилась и скрипела как будто бы бойчее. Когда старик добрался почти до самого конца моста, Люс вдруг кинулся к нему.

– Пойдите! – крикнул он, подбегая. – Скажите, как вас зовут? Кого я буду вечно благодарить?

Старец широко улыбнулся, а синие глаза его лукаво засверкали.

– Имя мое – Зоам Була. – Он приложил костлявую ладонь к груди и поклонился.

Люс склонился в ответ и прибавил:

– А я – Люс.

– Знакомство наше безмерную радость принесло мне. Кто знает, быть может, мы свидимся вновь. Прощай, Люс!

– Счастливого пути! – отвечал юноша.

Старец, толкнув тележку, покатыл ее дальше. Молодой человек развернулся и снова направился к Диким Берегам. Спустя полчаса, преодолев крутые склоны, Люс вышел к отвесной скале, острым углом врезающейся в море. Редкие лишайники и мох да прозрачные кустики скромными клочками покрывали это пустынное место.

Юноша установил этюдник, приготовил бумагу, краски и, взяв кисть, прежде устремил взгляд в темно-синюю даль моря, как всегда делал это перед началом работы. Вдалеке белели паруса какого-то судна. Солнце успело опуститься ниже, и небо постепенно заволакивали облака, а горизонт чернел и хмурился. Подул резкий холодный ветер, внизу громче зашумели волны. «Стоит поторопиться», – подумал Люс и сделал несколько мазков. И вот уже через некоторое время на бумаге появилось бушующее море и очертания корабля, поднявшегося на гребень высокой волны.

Пока Люс рисовал, он всё думал о странном старце, случайно – или не случайно? – повстречавшемся ему на пути, и мысли вертелись вокруг ценного подарка. Юноше не терпелось воспользоваться новыми красками, но он понимал, что подобная роскошь не для этюдов. И все же взгляд невольно нет-нет да и обратится в сторону заветной коробочки, которая словно магнитом притягивала внимание.

Наконец, не выдержав, Люс поднял футляр и, осторожно открыв его, достал одну баночку. Затем закрыл его, проверив замочек, и бережно положил на землю. Попробовав краску на палитре, юноша удивился её безукоризненной синеве. Насыщенный чистый цвет завораживал. Люс неотрывно глядел на него, потом, словно загипнотизированный, перенес взор на бумагу, и рука сама начала колдовать над наброском. Смешивая ультрамарин с другими цветами, юноша теперь получал нужные ему оттенки. И с каждым взмахом кисти картина будто оживала: море клочкотало и пенилось, свинцовое небо, казалось, опустилось к самой воде, грозно свистел ветер, а одинокий корабль болтало из стороны в сторону.

Для Люса вокруг уже ничего не существовало. Перед собой он видел лишь вздымающиеся валы, сгустившиеся темные тучи да солнце, в одно мгновение из светло-желтого ставшее черно-багровым. Он слышал, как режут бешеные волны, рокочет яростный вихрь, скрипят снасти на корабле и оттуда доносятся крики.

Внезапно солнце исчезло, будто его проглотило чудовище. Наступила непроглядная тьма.

В тот же миг сильный порыв ветра толкнул юношу, Люс упал на четвереньки, ощутив под собой мокрый дощатый пол, который в следующую секунду накренился, и Люс покатился вниз. Чья-то цепкая рука, больно сжав запястье юноши, рванула его в сторону; он нащупал канат и тотчас за него ухватился. Грубый хриплый голос рядом прокричал сквозь дикий шум:

– Держись, парень, сейчас накроет!

Едва слова успели долететь до слуха Люса, как его с головы до ног окатило холодной водой. Все тот же голос вблизи смачно выругался. Юноша тряхнул мокрыми волосами и утер с лица соленую воду.

Вдруг вспыхнула молния – и Люс с ужасом увидел освещенную на миг палубу корабля, заливаемую водой то с одного борта, то с другого. Юношу забила крупная дрожь. Он намертво вцепился в канат и крепко зажмурил глаза. «Это кошмар. Я уснул. Ничего этого нет», – словно молитву, твердил он про себя. Но сумасшедшая качка не прекращалась, а ветер ревел по-прежнему.

Люс открыл глаза. Сердце его гулко колотилось, посиневшие пальцы, казалось, окаменели. Убрав со лба налипшие волосы, он оглянулся вокруг. Тьма переставала быть кромешной: море кипело в белоснежной пене, все чаще сверкали молнии. На корабле все было в движении: одни матросы бегали по звенящим вантам закреплять паруса, другие, навалившись на помпы, откачивали воду, человек пять было приставлено к штурвалу. Недалеко от Люса, крепко держась за перила лестницы, ведущей на шканцы, стоял кряжистый невысокий мужчина с темной густой бородой и черными волосами, собранными в «хвост». Его широкие штаны и синяя куртка, из-под которой виднелась серая рубашка, насквозь промокли. Хриплым голосом (по нему Люс узнал человека, который несколько мгновений назад помог ему) он выкрикивал команды, перемежавшиеся с руганью, и глядел на верхушки мачт – туда, где лихие марсовые, держась одними ногами, резали рваные полотнища и крепили новые.

Сначала один, потом второй удар волны положил судно почти на бок. Корабль уже не плыл, а, казалось, летел среди разбушевавшегося моря, чертя ряями по вздувшимся валам. Люс еще сильнее вцепился в канат, втянув голову в плечи и поджав под себя ноги. Он снова зажмурился, так как потоки ледяных брызг нещадно хлестали его по лицу. Не было никакой возможности двинуться: любой шаг в сторону мог сбросить молодого человека в воду. Оставалось только ждать, пока судно хоть как-то выровняется.

Через некоторое время корабль выправил положение, и теперь он то вздымался на вершину очередного гребня, то падал вниз. Еле оторвав онемевшие пальцы от леера, Люс с трудом стал продвигаться вперед вдоль борта. Буквально в двух шагах он заметил проем и трап, ведущий на нижнюю палубу. Спрятаться хоть куда-нибудь сейчас было его единственной мыслью. Юноша попробовал выпрямиться, но в эту секунду сломанная под напором ветра стенга полетела вниз.

– Люс, берегись! – услышал он смутно знакомый голос и обернулся на его звук. Однако увидеть, кто произнес эти слова, молодой человек не успел: деревянный брус с глухим стуком ударил его по голове.

Глава II. «Попутный ветер».

Сквозь открытые окна доносились мужские голоса, с разным ритмом стучали молотки, плескалась вода, натужно скрипело дерево.

Люс медленно разлепил глаза.

Над ним нависал деревянный потолок. Повернув голову и пытаясь оглянуться по сторонам, юноша почувствовал пульсирующую головную боль. Сжав челюсти, он

дотронулся рукой до висков: лоб был туго забинтован. «Неужели мне все это не приснилось?» – промелькнула пугающая мысль. Люс поднялся и сел в постели. В ушах зашумело.

Стараясь не делать резких движений, он, свесив ноги с койки, осмотрелся. Страшные догадки его подтверждались: Люс находился на корабле и, судя по убранству помещения, в капитанской каюте.

В центре помещения располагался квадратный деревянный стол, покрытый желтой скатертью с бахромой. На нем лежали карты, секстан, компас, бумаги, закрытая чернильница с пером, две жестяные кружки, изукрашенная резьбой шкатулка да раскрытая книга, которую листал теплый ветерок, влетающий в распахнутые кормовые окна. Вокруг стола расставлены четыре обшарпанных стула. Рядом с постелью, под окнами, нашел себе место массивный кованый сундук. Напротив койки, в другом углу, стоял пузатый буфет, в котором, однако, большую часть занимала не посуда и съестное, а книги, фигурки из дерева и какая-то детская картинка.

Рисунок привлек внимание Люса и что-то напомнил ему. В голове суматошно замелькали, как в калейдоскопе, разные образы. И вдруг сердце юноши застучало быстрее. Превозмогая тошноту и боль, он встал и, шатаясь, добрался до буфета. За стеклом, прибитый гвоздиком к задней стенке, красовался неумелый рисунок, изображавший море, солнце и кораблик с белым парусом. В уголке пожелтевшего листа была накарябана подпись, сделанная детской ручкой: «Папе от Люса».

Глаза юноши покраснели, он крепко сжал губы. «Как мой рисунок мог здесь оказаться? – лихорадочно соображал Люс. – Может, капитан этого корабля знает моего отца? Может, он виделся с ним? А может, он знает, что случилось с папой? Да и как я сам здесь оказался, может, он объяснит?».

Недолго думая, юноша, опираясь рукой о стены, направился к дверям. Когда Люс вышел из полутемной каюты, яркий солнечный свет больно ударил в глаза. Приставив ко лбу ладонь козырьком, он огляделся.

Перед ним вытянулась палуба двухмачтового судна, на котором кипела работа. Буря сильно потрепала корабль: одна мачта была сломана пополам, на другой не хватало пары реев, от парусов и вовсе клочья остались. Вокруг шпиля грузно топали пятеро матросов, наматывая канат, с помощью которого ставилась поломанная мачта; на головокружительной высоте, между морем и голубым небом, карабкались по снастям с легкостью цирковых акробатов марсовые, подвязывая новые паруса; остальные матросы были заняты всевозможными работами: подбивали паклю, смолили тросы, прибирали палубу.

– А, Люс! Очнулся! – Огромная тяжелая рука опустилась на плечо юноши.

Люс обернулся и увидел того самого мужчину в синей куртке, что давеча раздавал приказы. В дневном свете на вид он казался лет пятидесяти; в черной бороде и волосах сквозила седина, на загорелом лице правая скула была расчерчена старым красноватым шрамом.

– А мы уж подумали – крышка тебе. Ан нет! Живучий ты оказался! – Он хлопнул Люса пару раз по плечу, и звенящая боль эхом отдалась в голове.

Юноша хотел спросить, откуда тот его знает, но мужчина, ругаясь, уже направился к матросам, присевшим было отдохнуть. Должно быть, это был боцман.

– Люс! Тебе лучше? Поднимайся сюда! – крикнул сверху, со шканцев, какой-то человек. И вновь голос показался молодому человеку невероятно знакомым и таким теплым, что у Люса защемило в груди.

Юноша поднял глаза и, щурясь от солнца, взглянул на человека, приветственно махнувшего ему рукой. Широко расставив ноги и опираясь о перила ограждения, наверху стоял высокий, крепко сбитый мужчина в белой рубахе с открытым воротом, в коричневом

жилете, выделанном из грубой кожи, и в потертых холщовых бриджах, заправленных в сапоги с отворотами; пшеничные волнистые волосы, обрезанные чуть ниже подбородка, были обвязаны вокруг лба синей тесьмой; лицо с широкими скулами и волевым подбородком покрывала густая щетина.

Не узнать его было невозможно. Это был Алаин Тигальд.

Внезапно подступившая тошнота заставила Люса подбежать к фальшборту: он перекинулся через него, и юношу тут же вывернуло наизнанку. Алаин поспешил к нему, и пока Люс откашливался и приходил в себя, достал из кармана кусочек засохшего лимона. Он протянул его сыну.

– На вот, погрызи. Мне помогает.

Люс вытер рукавом рот и, взяв дольку лимона, принялся грызть. Он смотрел на отца и совершенно не понимал, как себя вести. Это был тот самый долгожданный миг, о котором Люс уже и мечтать перестал. Вот он стоит перед ним, почти такой же, каким Люс запомнил его тогда, десять лет назад, когда Алаин уходил в свое последнее плавание. И хотя нынешний Алаин заметно постарел и осунулся, а в уголках дымчатых глаз, вокруг рта пролегли глубокие морщины, и во взгляде читалась затаенная печаль, не так Люс представлял себе их встречу. Казалось бы, они должны обняться, радоваться, может быть, даже расплакаться – в такой момент слезы показать не стыдно.

Но Люс словно оцепенел, а застрявший ком в горле не давал сказать ни слова. Впрочем, Алаин и сам не спешил обниматься. Для него все происходящее как будто было само собой разумеющимся. Он не выказывал ни удивления, ни какого бы то ни было восторга, однако глядел на сына участливо и тепло.

Наконец, юноша произнес, с трудом выталкивая из себя слова:

– Десять лет назад... ты отправился в Хегоальдеко... Что с тобой случилось тогда? Мама чуть с горя не умерла. – Люс запнулся, вспомнив те тяжелые времена, когда Элида после прощания с мужем слегла и долго болела.

– Чуть? – Алаин нахмурился и как-то странно изменился в лице. – О чем ты, Люс? Я вернулся и узнал, что ... – мужчина глубоко вздохнул, – что мама утонула.

– Не может этого быть! – вскричал молодой человек.

Матросы, драившие палубу поблизости, вскинули головы и уставились на отца и сына.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – Алаин положил руку на плечо Люса.

Люс отдернул руку и раздраженно проговорил:

– Что ты такое говоришь?! Мама жива! Мы прожили с ней вместе десять лет! Без тебя! А где ты был? – Юноша почти перешел на крик.

– Что это ты тут, Люс, разорался? – Мужчина со шрамом подошел к разговаривающим. – Тебя на носу слышно. А раньше тихий такой был.

– Раньше?! – воскликнул юноша. – Да откуда вы меня вообще знаете? Я вас в первый раз вижу!

Алаин и боцман хмуро переглянулись.

– Здорово же парня приложило! – как-то чересчур громко сказал один из матросов и, опершись на швабру, ухмыльнулся.

– А ну заткнись, Грах! Это я сейчас тебя приложу! – замахал кулаком боцман. – Так огрею – света белого не увидишь! Живо за работу!

Матрос что-то пробурчал в ответ, но принялся усерднее начищать палубу.

– Хватит, Сверр. Позже с ним разберешься, – сказал Алаин и с грустью добавил: – Кажется, у нас есть дела поважнее.

Он взглянул на сына, который, скрестив руки на груди, отвернулся и смотрел на блестящее спокойное море.

– Может, ему налить чего покрепче? – предложил Сверр. – Ум сразу и прояснится.

Алаин грозно сверкнул глазами.

– Ну нет так нет, – пожал плечами Сверр. – Пойду лучше проверю, что у нас там с обедом.

Боцман отправился на нижнюю палубу, по пути ругаясь и раздавая новые приказы.

– Люс... – обратился Алаин к сыну.

– Думаешь, я с ума сошел? – огрызнулся юноша.

– Нет. Я думаю, ты потерял память, – спокойно отвечал Алаин.

– С памятью у меня все в порядке. Я прекрасно помню вчерашний день: утром встал, мама приготовила вкусные оладьи, ушел в школу; была отличная погода, и я решил порисовать на Диких Берегах... И я помню не только вчерашний день! И то, что было позавчера, и неделю, и месяц, и десять лет назад!

Алаин покачал головой.

– Тебе это все приснилось или привиделось, уж не знаю.

– Как может сон быть таким точным?

– Сны – штука загадочная. Иногда они кажутся нам настолько реальными, что и просыпаться не хочется, – задумчиво произнес Алаин.

Люс тяжело вздохнул. Чувство тошноты понемногу проходило, и даже голова стала меньше раскалываться.

– Ну и как, по-твоему, все было? – усмехнувшись, спросил он.

Алаин помолчал, внимательно посмотрел на сына, затем сказал:

– Когда я вернулся, мне рассказали, что Элида однажды пошла купаться и ее унесло подводным течением. А ведь она всегда боялась воды... Тело ее нашли спустя неделю. Я прибыл, как и обещал ей, накануне дня летнего солнцестояния, а она уже покоилась в могиле. – Алаин умолк, потом, прокашлявшись, продолжил: – Но долго горевать мне не позволили. Сверр напомнил, что у меня есть обязанности и перед маленьким сыном. Тебя нужно было кормить, одевать, учить. С собой на корабль я тебя взять пока не мог, поэтому пришлось отдать на воспитание к Ульве.

– Тетя Ульва меня почему-то недолюбливала, – фыркнул Люс.

– Скорее, она не любила меня, – горько ухмыльнулся Алаин. – Не знаю, чем я ей не угодил. В общем, выбора у меня не было. Ты жил у тети; а когда я возвращался из плавания, то ненадолго забирал к себе. А в этом году я решил, что пора тебя взять с собой в море. Насовсем. Тем более что с морским делом ты немного знаком.

– Правда? – Люс криво улыбнулся. – По-твоему, получается, что я на этом корабле уже давно?

– Мы вышли из Падoko две недели назад.

– А шторм? Когда был шторм?

– Этой ночью.

Люс ударил ладонями по фальшборту.

– Я ничего не понимаю! То, что ты мне рассказал, совершенно для меня ново. И с морским делом я точно не знаком! Такое ощущение, как будто я жил в одном мире, а попал в другой.

Алаин задумчиво потер подбородок.

– В Хегаальдеко у меня есть знакомый лекарь. Думаю, он сможет чем-то помочь.

– Я не болен, – пробормотал Люс. – Просто я сплю. И почему-то не могу проснуться.

– Пойди-ка лучше в каюту, тебе нужно еще немного отдохнуть. А я распоряжусь, чтобы принесли обед. Ты, наверное, голодный?

Юноша вяло кивнул, почувствовав урчание в желудке, и поплелся обратно.

Через полчаса ему принесли бульон, сыр и пару кусочков хлеба. Люс вздохнул, вспомнив наваристые мамины супы, но голод заставил вмиг уничтожить обед.

Все это время молодой человек размышлял над загадкой своего появления на корабле, над историей, которую рассказал ему отец. «Уж не связан ли с этим тот странный старик? – вспомнилось Люсу. – Так необычно себя вел. И говорил. Подарил вдруг дорогие краски...». Юноша неожиданно поперхнулся и закашлялся. «Краски! Может, в них все дело? А может, этот... как его там... Зоам Була – колдун? И краски он подарил волшебные?» Люс тряхнул головой. «Нет! Чуть какая-то! Не может этого быть! Впрочем, того, что сейчас происходит, тоже быть не может».

Юноша отставил пустую тарелку и, тяжело вздохнув, устало откинулся на стуле. «Хоть бы кто подсказал... Этот Зоам Була наверняка что-то знает. А как его теперь найдешь? В Падоко, видимо, мы не скоро попадем. Отец сказал что-то про Хеогоальдеко. Скорее всего, корабль направляется туда. Быть может, там мне что-нибудь удастся узнать... Либо я, наконец, проснусь. В общем, что бы это ни было – сон, реальность, колдовские проделки, чудесные перемещения, сейчас я ничего не могу сделать».

Успокоив себя такими мыслями, Люс расслабился и, стараясь ни о чем больше не думать, незаметно задремал на стуле. Им овладел беспокойный сон, в котором все было синим: море, небо, земля, даже солнце. Какой-то человек с ледяными глазами кобальтового цвета протягивал ему руку, как будто приглашая куда-то войти, но Люс не соглашался, и тогда человек растворился, оставив после себя хищную улыбку. Юноша попятился назад и, оступившись, провалился в пустоту.

Люс распахнул глаза. Сердце стучало с удвоенной силой, а на лбу выступила испарина. Напротив него, за другим концом стола, откинувшись на спинку стула и вытянув ноги, с прикрытыми веками отдыхал Алаин.

Юноша поднялся со своего места и, разминая затекшие конечности, поглядел в окна. По сиреневому небу были размазаны светло-желтые облака, а ближе к горизонту – огненно-рыжие. Золотой диск солнца, окруженный красноватым сиянием, наполовину погрузился в морскую пучину.

Люсу нестерпимо захотелось рисовать. Он повернулся к отцу и осторожно кашлянул. Алаин вздрогнул и открыл глаза.

– Я хотел узнать, взял ли я с собой краски и бумагу, – проговорил юноша.

Алаин потянулся и, зевнув, коротко бросил:

– В сундуке лежат.

Люс немедленно кинулся открывать тяжелую крышку.

– А я уж понадеялся, что про краски ты не вспомнишь, – вздохнул Алаин.

– Почему? – удивленно спросил юноша, но от сундука не оторвался, продолжая копаться в нем.

Алаин подошел к буфету и достал из него круглую фляжку на цепочке. Сделав пару глотков, он ответил:

– Не дело это для настоящего мужчины. Мне бы хотелось, чтобы ты пошел по моим стопам, как я – по стопам своего отца, и всерьез занялся морской наукой. Рисованием на жизнь не заработаешь.

Люс вынул из сундука пачку бумаги и металлическую коробку, в которой обнаружились карандаши, кисти и краски. Он положил принадлежности на стол и, скрестив на груди руки, хмуро поглядел в окно. Говорить что-либо юноша не торопился.

Когда Люс был маленьким, он, как и все мальчишки его возраста, у которых отцы или братья были моряками, тоже мечтал о море, кораблях, дальних путешествиях. Но после того как Алаин пропал без вести, эти мечты сошли на нет. И пока многие его одноклассники после уроков неслись в гавань, чтобы побегать по палубам кораблей, полазать по вантам и понемногу учиться нелегкому морскому ремеслу, Люс возвращался домой, к холсту и краскам. Живопись помогала ему отвлечься от дурных мыслей,